

УДК 343.24

**СУЩНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕНОЛОГИИ
И ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Константин Викторович Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия,
korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме сущности уголовного наказания как сложного социально-правового феномена, относящейся к центральным, фундаментальным и наиболее сложным в пенологии и уголовно-правовой теории. Рассмотрены сформировавшиеся и преобладающие в юридической науке подходы к определению сущности уголовного наказания, произведен их критический научный анализ.

Обосновывается, что сущностью уголовного наказания является возмездие, а его смыслом (предназначением) выступает охрана общества от преступных посягательств.

Автором подчеркивается, что возмездная суть связывает уголовное наказание с идеалами справедливости, а также с философской категорией меры, указывает на то, что за преступлением должно следовать соразмерное наказание, т. е. соответствующее ему по мере воздействия на виновного.

В публикации констатируется, что присутствующий в уголовном наказании принцип возмездия позволяет учесть, уравновесить и сбалансировать интересы всех сторон уголовно-правовых отношений: государства, потерпевшего и преступника, — гарантируя всем, что последний не будет наказан ни слишком мягко, ни излишне строго.

Ключевые слова: уголовное наказание, современная пенология, сущность уголовного наказания, уголовная ответственность, возмездие, осуждение, кара, борьба с преступностью

Для цитирования: Корсаков К. В. Сущность уголовного наказания в современной пенологии и доктрине уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 41—50.

**THE ESSENCE OF CRIMINAL PUNISHMENT
IN ACTING PENOLOGY AND IN THE DOCTRINE
OF CRIMINAL LAW**

Konstantin Victorovich Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia,
korsakovekb@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the essence of criminal punishment as a complex social and law phenomenon related to central, fundamental and more complex one in penology and theory of criminal law. The developed and prevailing law approaches to the definition of the essence of criminal punishment are considered, and their critical scientific analysis is carried out.

It is argued, that criminal punishment is based on retribution, and its purpose is to protect society from criminal intrusions.

The author emphasizes that the retribution essence links criminal punishment to ideals of justice as well as with a philosophical category of measure; it points that crime should be punished according to the measure to influence the perpetrator.

The article states that the principle of retribution in criminal punishment gives an opportunity to consider and to balance the interests of all parties to criminal law relations: the state, the victim and the perpetrator; it guarantees everyone that punishment for the latter one will be neither too minor, not too severe.

Keywords: criminal punishment, acting penology, essence of criminal punishment, criminal responsibility, retribution, conviction, punishment, fight against crime

For citation: Korsakov K. V. The essence of criminal punishment in acting penology and in the doctrine of criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 41—50. (In Russ.).

Неуменьшающиеся масштабы использования уголовного наказания, возросшая потребность в нем и значительная роль последнего в системе правового регулирования актуализируют изучение правовых граней уголовного наказания — доктринальную разработку аспектов, связанных с его содержанием, сущностью, формой, целями, качествами, особенностями и понятием как фундаментальной и стержневой юридической категории, правового института, занимающего наряду с преступлением центральное место в уголовном праве.

Традиция рассмотрения наказания в узком (тесном), т. е. строго юридическом значении и широком (внеправовом) восходит еще к пенологическим учениям XVIII—XIX вв. (французский юрист Ж.-П. Гарро в конце XIX в. относил изучение первого к науке уголовного права «в тесном смысле» (*droit criminel*), а второго — к уголовной социологии (*sociologie criminelle*), называя обе двумя ветвями уголовного права [1, с. 4—11]). В самом широком, неюридическом смысле наказанием можно считать абсолютно все негативные последствия для преступника, порожденные его преступным деянием: и угрызания совести (так называемое самонаказание), и гнетущее чувство стыда, и общественное неодобрение (порицание, недоверие, бойкотирование и др.) — моральное наказание, причем последнее в целом ряде случаев оказывается более ощутимым и растянутым во времени, нежели юридическое. Так, вернувшиеся в их родные села и деревни после отбытия сверхдлительных сроков лишения свободы за преступления в годы Великой Отечественной войны (предатели Родины, коллаборационисты, полицаи, приспешники фашистов и пр.) до конца жизни подвергались избеганию в общении, презрительному, крайне неуважительному отношению и иным интенсивным видам морального осуждения со стороны их односельчан. Заметим, что в повседневности слово «наказание» применяется в еще более широком значении — не только как последствие деликта, нарушающего закон деяния, но и как любая расплата за злое, вредное или отрицательное поведение, включая различного рода пороки: лень, жестокость, расточительство, распутство, жадность, глупость и т. п., причем источником такого наказания может быть не только общество, но и природа, и организм человека — они могут «отплатить» людям болезнями, смертью и разно-

образными несчастьями, катаклизмами и бедствиями.

Слово «наказание» традиционно используется по отношению к некоторым мерам воспитательного воздействия на детей — так называемое внутрисемейное (родительское, отцовское) наказание. У российских ученых-правоведов XX в. практика телесных семейных наказаний не вызывала возражений — на тот момент она была легализована. Так, А. Д. Любавский не видел в ней ничего зазорного, неприличного и вредоносного, но предлагал «право родителей наказывать телесно своих детей ограничить достижением сими последними 16-летнего возраста для женщин и 18 л. для мужчин; за нарушение же сего правила предавать родителей суду уголовному» [2, с. 36]. Эти принудительные меры как применяющиеся за нарушения дисциплины можно относить к наказанию в его широком смысле, к видам социального наказания (наряду с религиозными (церковными), корпоративными, «школьными» и др.), однако они лишены свойств и качеств, присущих правовому наказанию, так как следуют не за правонарушениями — наоборот, практикующие их сами в ряде случаев могут подвергнуться за это юридическому (уголовному или административному) наказанию, причем ООН настаивает на полном запрете телесных наказаний в семье как формы физического насилия, мотивируя это наносимым вредом для психического и физического здоровья детей. Не связанные с телесными наказаниями меры воспитательно-педагогического воздействия, о которых ведется речь, важны для заложения мировоззренческих основ будущего правомерного социального поведения: они формируют и закрепляют у детей чувство ответственности, понимание последствий отрицательного поведения и отношение к наказанию как к надлежащему и справедливому. Необходимость наказаний в деле детского воспитания признавалась А. С. Макаренко, однако при этом он весьма мудро предостерегал: «Наказание — очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности...» [3, с. 39]. На формы дрессировки и общения с животными также часто распространяют слово «наказание», однако в этом присутствует условность — животные не способны испытывать чувства вины, стыда, раскаяния, сожаления и т. д., так как у них отсутствует абстрактное мышление и они не мыслят категориями этики и морали, не могут оценивать

свои действия и понимать, что совершили нечто плохое и неправильное (как гласит фламандская поговорка: «Wolven kunnen bang, achtervolgen en gedood worden, maar niet gestraft» — «Волков можно пугать, травить и убивать, но не наказывать»).

Уголовное наказание является разновидностью правового (юридического) наказания, еще более общим по отношению к нему является такое понятие, как санкция — мера воздействия, применяемая к правонарушителю либо к стороне, нарушившей договор; уголовное наказание относится к разряду уголовно-правовых санкций, налагаемых по решению суда. Вместе с тем термин «санкция» имеет еще одно значение — структурного элемента правовой нормы, указывающего на неблагоприятные последствия для правонарушителя. Согласно точному описанию А. И. Чучаева, «санкция — это определенная модель меры государственно-принудительного воздействия, характеризующаяся качественно-количественными признаками» [4, с. 67]. В логической структуре (внутреннем строении) уголовно-правовой нормы санкция содержит описание уголовных наказаний, которые суд может применить по отношению к преступнику.

Правовая сущность уголовного наказания стала предметом научного изучения давно, однако вопрос о ней до сих пор не получил своего окончательного разрешения вследствие обилия разнящихся сформулированных исследовательских мнений и точек зрения, каждая из которых, на наш взгляд, достойна внимания и имеет право на существование. Между тем без точного установления сущности уголовного наказания как элемента правовой реальности невозможно верно обозначить и охарактеризовать его содержание, свойства, цели, функции, отличительные черты, назначение и роль в юриспруденции и социальной жизни, а также структурировать его понятие и дать последнему точное описание — определение (дефиницию). Научные знания о внутренних и внешних характеристиках уголовного наказания представляют большое значение для выработки и успешной реализации не только уголовно-правовой, но и криминологической политики государства, так как ее главным направлением является деятельность по предупреждению преступлений, а уголовное наказание выступает средством предупреждения совершения новых преступлений и преследует соответствующую закрепленную в законодательстве цель.

Действующая российская уголовная кодификация в ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской

Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) достаточно кратко описывает уголовное наказание как «меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда». Далее в статье содержится указание, что «наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Очевидно, что это определение относится к классу формальных — оно проясняет объем определяемого понятия, но не раскрывает в полной мере его сущность, характер и особенности, что вполне логично: такую функцию выполняют доктринальные (теоретические) дефиниции. Отсылка к процессуальной форме назначения уголовного наказания — приговору суда — разграничивает уголовное наказание с другими видами наказания, на которые распадается его родовое понятие, включая административные наказания, назначаемые посредством постановлений, а не приговоров. В то же время решение вышестоящего по отношению к первой инстанции суда, в котором изменяется уголовное наказание, может носить наименование «определение», а решение суда о замене одного вида наказания на другой в случае злостного уклонения от его отбывания носит название «постановление», согласно нормам ч. 7 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Важно и то, что по приговору суда могут назначаться не только наказания, но и другие меры государственного принуждения, в частности, иные меры уголовно-правового характера: они, так же как и наказание, связаны с лишением и ограничением прав личности и тоже попадают под определение, закрепленное в законе. Заметим, что в приведенной статье, равно как и в других статьях УК РФ, используется слово «наказание» вместо слов «уголовное наказание», тогда как в посвященной целям административного наказания ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) и иных статьях этого федерального закона употребляется сочетание слов «административное наказание» (в действовавшем ранее КоАП РСФСР от 20 июня 1984 г. меры административной ответственности обозначались словами «административное взыскание»), что дало повод многим российским авторам указать на необходимость согласования и упорядочения правовых норм путем внесения изменений в УК РФ в части замены слова «наказание»

на словосочетание «уголовное наказание» [5, с. 15]. Примечательно, что в связи с обозначенными терминологическими новеллами ученые-административисты усилили разработку вопросов наказания, опираясь при этом на уголовно-правовые знания.

Суждения и доводы о том, что уголовное наказание по своей сути прежде всего является *принуждением*, не раз высказывались в научной доктрине. Например, в речи, произнесенной на торжественном собрании Демидовского лицея, А. П. Чебышев-Дмитриев отметил: «Принуждение, как следствие противозаконного деяния, есть в тоже время наказание, то есть зло, заслуженное преступником, потому что он сам навлек его на себя своим противозаконным действием» [6, с. 73]. Однако принуждение не относится к сущности уголовного наказания, оно лишь говорит о том, что наказание осуществляется против воли преступника, как и иные средства принудительного порядка, используемые государством, например, меры пресечения. Полагаем, что принуждение правильно относить к выражению воле, к форме наказания, так как оно с момента своего появления и до текущего времени выступает одной из форм общественного принуждения (в настоящий период — исключительно государственного правового принуждения); это его внешнее состояние, т. е. оболочка, форма (от лат. *forma* — внешний, наружный вид): по отношению к виновным наказание имеет форму принуждения, оно применяется государством и выражается внешне в виде направленного на преступника принудительного акта (действий, осуществляемых против его воли, в условиях игнорирования его волеизъявлений).

Являясь формой, в которую уголовное наказание облачается и предстает перед нами, принуждение также не может составлять ни содержание, ни функцию, ни цель, ни идейный смысл уголовного наказания (таковым принуждение считал В. В. Есипов, рассматривавший уголовное наказание одновременно как средство социального принуждения и как меру помощи). Рассуждая о принуждении, наряду с внешней формой уголовного наказания как меры принудительного воздействия на нарушителя вопреки его воле и желания следует выделить еще один аспект, относящийся к признакам (качествам) наказания, — принудительное (общеустрашающее) свойство уголовного наказания, которое заключается в том, что уже само его присутствие в общественной жизни, сама угроза его применения оказывают воздействие на сознание и волю людей и *принуждают* их воздерживаться от криминального поведения, не совершать

преступления и исполнять обязанность соблюдать закон — выделяемую некоторыми учеными-правоведами так называемую позитивную (перспективную) уголовную ответственность. В такой плоскости принуждение выступает способом обеспечения соблюдения правовых норм. Некоторые специалисты находят возможным выделить и третий аспект принуждения — они не только в карательно-предупредительном характере, но и в принудительном качестве уголовного наказания усматривают наличие частно-превентивной функции: обнаруживают в нем *принуждение* (подталкивание) осужденного к осознанию и признанию собственной вины и недопустимости противозаконного поведения для того, чтобы он не допускал совершения новых преступлений в будущем.

Е. В. Курочка, считая, что принуждение является содержанием уголовного наказания, сделала замечание: «А. И. Марцев, раскрывая содержание наказания, утверждает, что „уголовное наказание представляет собой совокупность ограничений, которые государство устанавливает для осужденных, реализация которых обеспечивается государственным принуждением“. Вызывает сомнение тезис о том, что реализация установленных для осужденных ограничений обеспечивается государственным принуждением. Как нами установлено выше, лишения и ограничения прав и свобод выступают содержанием принуждения. Получается, что принуждение обеспечивается принуждением, что лишает вышеприведенное утверждение логического смысла» [7, с. 37]. Однако никакой логической ошибки тут не имеется, А. И. Марцев абсолютно прав в своих выводах: в содержательном отношении (под содержанием мы понимаем общность тех элементов и частей, которые образуют внутреннее строение, композицию явления) уголовное наказание составляют ограничения и лишения, а не принуждение, для того чтобы реализовать эти карательные компоненты наказания, последнее должно быть принудительным по своей форме (содержание и форма явления, как известно, всегда находятся в диалектическом единстве и не существуют одно без другого) — т. е. являться противостоящей воле осужденных репрессивной акцией, заставляющей их претерпеть, испытать данные лишения и ограничения. Выполняя такую миссию, уголовное наказание выступает в качестве одного из форматов использования государством метода принуждения в случаях, когда другой не менее важный метод социального управления — метод убеждения — не сработал.

Поскольку меры государственного принуждения, применяемые в отношении лица, совершившего преступление, образуют в содержательном плане такую разновидность юридической ответственности, как уголовная, а наказание самым непосредственным образом связано с ответственностью (введший этот термин в научный оборот шотландский философ А. Бэн понимал его как «наказуемость», а в западноевропейских системах уголовного права вместо научного термина «уголовная ответственность» используется именно это понятие — «наказуемость»), обязанностью отвечать за свои действия и бездействие, применительно к юридическим характеристикам уголовного наказания будет правильным и обоснованным рассматривать наказание не только как меру (форму) принуждения со стороны государства, но и как меру уголовной ответственности (в качестве установленной государством меры ответственности административное наказание рассматривается в КоАП РФ, что соответствует нашим выводам) как одну из основных форм реализации последней; такой подход, как известно, является традиционным для отечественной теории уголовного права. Уголовное наказание подразумевает ответственность, хотя последняя не сводима к одному лишь нему, так как значительно шире по объему; в механизме реализации уголовной ответственности наказание выступает ключевым звеном, играет ведущую роль и является в нем своеобразным «центром тяжести». Принудительность уголовного наказания также напрямую связана, обуславливается и проистекает из такого базового способа правового регулирования, как директивный (императивный), при котором одна сторона должна подчиняться обязываниям и требованиям другой, регулирующей стороны.

Известные ученые-правоведы и пенологи (К. Л. фон Бар и др. [8, с. 311—312]) полагали, что сущность наказания заключается не в принуждении, а в *порицании* (осуждении) со стороны социума какого-либо поведения, расходящегося с законом. Возмездие (воздаяние) при этом они часто относили к одной из целей наказания, характеризуя его как «погашение» или «зачет» совершенного преступником зла. Однако порицание (его смысл наиболее емко отображен в таких известных истории права средствах воздействия (включая виды уголовных наказаний) на нарушителя, как замечание, выговор, пристыжение, предупреждение, публичное осуждение, расклеивание и опубликование приговора (в начале XX в. использовались как уголовное наказание, «другая мера» или как

мера социальной защиты, в наши дни продолжают использоваться в Ираке, Ливане, Швейцарии и Сирии, в виде дополнительного наказания опубликование приговора закреплено в п. 3 а, в ст. 9 УК Нидерландов), общественное порицание (наиболее мягкий вид уголовного наказания по УК РСФСР 1960 г.) и т. д.) — это лишь выражение неодобрения, критики, укоризны, т. е. открытое, внешнее проявление отрицательного мнения об определенном поведении. Эта внешняя негативная оценка не только лишена каких-либо параметров (она неделима и выражает лишь отношение людей к конкретному человеческому поступку), но и не предусматривает никаких активных (карательных, принудительных) действий (так же, как похвала, являющаяся антонимом порицания, в отличие от награды, являющейся антонимом наказания) и не лишает либо ограничивает права преступника (элемент вторжения в сферу правовых благ присущ любому уголовному наказанию), и поэтому относится прежде всего к средствам морального, психологического и воспитательного плана, а не к уголовной репрессии. Важно и то, что это отношение к определенному поведению базируется на нравственных воззрениях и установках, и возможны ситуации, когда какое-либо преступление (по мотиву милосердия, альтруизма и т. п.) не вызовет никакого порицания со стороны общественности, тогда как, будучи объективно противоправным и противозаконным, оно повлечет осуждение и наказание со стороны государства. Порицание как способ воздействия уместно на практике только за малозначительные нарушения норм с низкой степенью общественной опасности, к которым относятся административные деликты (поэтому КоАП РФ содержит такой вид административного наказания, как предупреждение), дисциплинарные нарушения и акты аморального поведения. В связи с этим не только стремления свести уголовное наказание исключительно к порицанию, но и высказывающиеся иногда предложения вернуть в отечественное уголовное законодательство общественное порицание как вид уголовного наказания мы считаем неоправданными; думается, тут нужно идти другим путем — не отличающиеся заметной общественной опасностью преступления, за которые, как считают некоторые исследователи, может быть применено общественное порицание, следует переводить в разряд административных правонарушений и налагать за них административные наказания.

Суть правового порицания и осуждения заключается в публичном (от лица общества и от имени

государства) выражении мнения о недопустимости, неприемлемости проступка, в его официальной, делающейся в рамках уголовного правосудия негативной нравственно-политической оценке — все это достигается самим фактом признания судом человека виновным в преступлении (этому деянию отрицательная оценка дается не только судом — она также дана государством посредством его криминализации в уголовном законодательстве), формальным и публичным объявлением его преступником в судебном порядке. Данные знаменательные и морально окрашенные юридические процедуры вполне возможны без назначения уголовного наказания по их итогу (в случаях применения иных мер уголовно-правового характера, принудительных мер воспитательного воздействия, освобождения от наказания, амнистии т. д.). Многие ученые (Н. М. Кропачев, В. С. Прохоров, А. Н. Тарбагаев и др. [9, с. 170]) осуждение (порицание) со стороны государства небезосновательно называют сущностью уголовной ответственности, а не уголовного наказания, к которому уголовную ответственность они не сводят и с ним не отождествляют, как это делал правовед О. Э. Лейст. В современной российской уголовно-правовой науке существует разнящаяся с подходами А. М. Рейтборт, писавшей, что «наказанием выражается от имени государства отрицательная оценка преступлению и лицу, его совершившему» [10, с. 13], точка зрения (А. В. Каленых, А. Н. Наумов и др.) о том, что отрицательная оценка со стороны государства (порицание) сохранится и будет иметь место не только при освобождении от наказания, но и при освобождении судом от уголовной ответственности — на это будет указывать сам факт признания подсудимого совершившим преступное деяние. Среди ученых, акцентирующих внимание при изучении феномена наказания на порицании, часто высказывается мнение, что наказание (его назначение, исполнение) позорит осужденного [11, с. 17]. Мы считаем, что это не так: позорит человека не уголовное наказание, а то преступление, которое он совершил и за которое он получил наказание; времена позорящих наказаний давно прошли, и они являют собой позорную страницу истории пенитенциарной практики — уголовное наказание в современном цивилизованном обществе не направлено на посрамление и не может ассоциироваться с позором, афронтом или бесчестьем.

В доктринальных попытках верно охарактеризовать сущность уголовного наказания нередко присутствовал вывод, что наказание является

страданием (П. Росси определял уголовное наказание не иначе как страдание, П. Д. Калмыков и А. Ф. Кистяковский также помещали страдание в их понятия уголовного наказания, а С. П. Мокринский описывал его как акт принуждения к страданию). Заметим, что наказание само по себе не является страданием: оно выступает принудительным воздействием на личность, которое причиняет страдание. Тем не менее страдание, вопреки мнению А. Е. Якубова [12, с. 21], не может быть отнесено и к целям используемого в наши дни наказания. Дело не только в том, что основанный на международных стандартах прав человека и закрепленный в ст. 7 УК РФ принцип гуманизма исключает постановку перед наказанием целей причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства — цель причинения страдания характерна для мести, расправы, а современное уголовное наказание, как явление гораздо более высокого порядка (в связи с этим в своих выступлениях и интервью П. В. Крашенинников не раз кратко и метко подчеркивал: наказание — это не месть [13, с. 8]), не преследует цель выместить гнев на преступнике и удовлетвориться его страданиями; выражая идеалы справедливости и полезные социальные мотивы, оно ставит совсем другие, цивилизованные цели.

Страдание правильнее рассматривать в качестве сопутствующего эффекта или сопровождающего кару обстоятельства, хотя не каждое уголовное наказание вызывает страдание: существуют и такие наказания (штраф и пр.), которые к страданиям (физической либо нравственной боли, мучениям) в большинстве случаев не приводят, а порождают чувство досады (неудовольствия, огорчения, раздражения и пр.) или не вызывают никаких значительных неприятных эмоций, и даже очень суровое уголовное наказание может не породить у некоторых преступников страдание (для представителей отдельных общественных групп (деградантов, пауперов, бездомных и пр.) пребывание в пенитенциарных заведениях в целом ряде случаев оказывается предпочтительнее нахождения на свободе). В то же время без пресловутого «страдательного» эффекта карательная деятельность потеряет свою логику и смысл. Так как страдание относится к сферам человеческих чувств и ощущений, нельзя не согласиться с польским правоведом, профессором Вильнюсского университета Б. Врублевским, говорившем о правильности определения строгости наказания не только его содержанием, но и его восприятием наказываемыми, которое «зависит от большого числа

индивидуальных качеств: пола, возраста, здоровья, образования, воспитания, интеллекта и др.» [14, с. 108]. Безусловно, уголовное наказание следует связывать с личным, субъективным восприятием преступником карательного наполнения наказания, которому он подвергается, однако если признать страдание сущностью или содержанием уголовного наказания, то получится, что преступник, отбывший, к примеру, лишение свободы и не испытывавший при этом страданий, не был подвергнут наказанию. Заметим, что исследовательский ракурс, низводящий наказание до тривиальных страдания, боли и мучения, в науке сохраняется: так, известный криминолог-аболиционист Н. Кристи процесс назначения уголовных наказаний называл не иначе как «раздача боли» [15, с. 26].

Несмотря на то что понятие «зло» относится к этике, а не к праву, многие видные юристы (А. Фингер и др. [16, с. 342]) обозначали сущность, характер либо природу наказания именно как *зло* (хотя эта категория гораздо более приложима к преступлению, нежели к наказанию), что, по нашему мнению, неверно: уголовное наказание не может описываться с помощью указанной категории морали, характеризующей исключительно негативные нравственные ценности, так как оно — не безнравственное, а морально одобряемое средство достижения блага, мира, добра и пользы как для всего общества, так и для самого преступника: потому что наказание выступает средством исправления, нравственного исцеления и морального совершенствования последнего, оно предоставляет ему возможность реабилитироваться в глазах общественности и объективно нацелено и рассчитано на хорошие, положительные изменения его личности (даже если сам он может относиться к нему как к некому злу и насилию).

В утверждении справедливости, защите общественных ценностей и благ и достижении других моральных целей аморальные средства попросту недопустимы. В феномене уголовного наказания зла не больше чем в вынужденных хирургических операциях по удалению у больных людей конечностей во имя спасения их здоровья и жизнью (причем наказание нацелено на спасение здоровья и жизни не только потенциальных жертв преступлений, но и самих преступников, так как оно направлено и на то, чтобы уберечь их от разрушительного зла криминальной одержимости). Упомянутые хирургические операции с уголовным наказанием объединяет главное — необходимость, и с внешней стороны они также выглядят как порождающее страдание вмешательство.

Имеющее негативную окраску и отрицательную коннотацию слово «*насилие*» тоже нередко используют при описании наказания, что нам видится неоправданным, так как отличительная цель насилия — подавление воли посредством целенаправленного нанесения вреда (что роднит насилие с жестокостью, описываемой как намеренное причинение страданий или же равнодушное отношение к страданиям другого субъекта), тогда как наказание, тоже относящееся к разновидностям принудительного воздействия, такой цели не ставит (его цели и функции направлены как раз на предупреждение недопустимого и порицаемого в цивилизованном обществе насилия). Цель уголовного наказания — принесение пользы, а не причинение вреда. Любое насилие для человека унижительно и оскорбительно, а уголовное наказание, наоборот, помогает индивиду возвыситься и прийти к уважению человеческой личности, оно призвано не подавить волю, а активировать эту двигательную силу ума в направлении исправления и мобилизовать внутренние духовные силы наказываемого на борьбу с пороками, приводящими к криминальным деяниям. Важной и, несомненно, труднореализуемой задачей уголовного наказания являются исключаящие диктат и грубое насилие преобразование и возрождение преступника к новой жизни — к благоразумной, честной и правопослушной жизни в социуме. Убеждены, что морально оправданному вынужденному принуждению есть место в человеческой карательной практике, но насилию — нет.

Самобытный подход к сущности уголовного наказания был представлен киргизским исследователем Л. Ч. Сыдыковой: согласно ему эта сущность «представляет собой общепринятые на данном этапе развития общества представления об уголовном наказании как одном из способов воздействия на преступников» [17, с. 21]. Можно согласиться с тем, что сущность явления связана с представлениями о нем — в процессе познания категория сущности выражает мыслительный переход от различных внешних форм и свойств явления к его внутреннему единому основанию, однако сами представления сущностью явления быть не могут, так как сущность объективна и представляет собой устойчивую и инвариантную основу явления, не меняющуюся в зависимости от каких-либо непостоянных и разнящихся субъективных оценок, взглядов и воззрений на нее. Последние составляют не сущность, а образ явления, который может отображать в себе множество значений и смыслов, поэтому наказание имеет

самые разные образы в сознании людей на различных этапах развития общества.

Отметим, что в целом диапазон научных подходов к сущности уголовного наказания отличается удивительной широтой: уголовное наказание рассматривается как *искупление* (В. де Брольи), как *испытание* преступника (в том, захочет ли он сам и сможет ли он «встать после падения», загладить свою вину и явить себя достойным членом социума), как *устрашение* (предостережение), как примирение правонарушителя с обществом, как средство борьбы с субъективными условиями преступности, как *исправление* виновных, как мера дисциплинирования воли делинквентов (Ф. А. Тренделенбург), как общественная гарантия, предназначенная для социально опасных субъектов (Н. А. Неклюдов), как невыгодное для преступника последствие его деяния (С. В. Познышев), как возмездие (В. А. Никонов) либо кара (Н. А. Беляев) [18, с. 79—80]. Г. А. Кригер в его известной монографии «Наказание и его применение» писал, что «сущность наказания состоит в лишении лица, виновного в совершении преступления, тех или иных благ» [19, с. 6]. Подход, в рамках которого сущностью уголовного наказания считается возмездие, присущ представителям классической школы, в особенности ученым-гегельянцам и неогегельянцам. Так, правовед-гегельянец И. А. Максимович заключал: «Существо наказания в юридическом смысле есть возмездие, или воздаяние, равное преступлению, то есть лишение преступника принадлежащих ему прав в количестве, равном количеству им самим нарушенных прав через преступление» [20, с. 7]. Этому мнению придерживался и С. И. Баршев, в текстах которого присутствует фраза «если высшее начало наказания есть возмездие за преступление...» [21, с. 109].

Исходя из того что сущность явления — это то, что составляет его идейную основу, существо, квинтэссенцию, внутреннее ядро и суть (самое главное, ведущее и первостепенное), обнаруживающуюся в его проявлениях (в философии сущность определяется как понятие, которое выражает то главное, что характеризует предметы, их внутреннюю, наиболее важную сторону, их основу), а смысл — это его конкретное предназначение (отсутствие какого-либо предназначения означает бессмысленность), которое оправдывает его существование и делает его необходимым и целесообразным, сущностью уголовного наказания следует признать *возмездие*, а смыслом — охрану общества от преступных посягательств. Термин

«возмездие» связывает уголовное наказание с идеалами справедливости, а также с философской категорией меры — он указывает на то, что за преступлением должно следовать соразмерное наказание, т. е. соответствующее ему по мере воздействия на виновного, и именно он наиболее точно и полно выражает сущность наказания как общественно-правового последствия преступления. Благодаря идее возмездия умозрительные идеалы справедливости находят в уголовном наказании реальную, «жизненную» силу, а само наказание как средство государственного принуждения получает свое этическое оправдание. Возмездие представляет собой имеющий важное социально-правовое значение моральный акт; в отличие от консеквенциалистского принципа полезности, оно лишено прагматической субъективности, утилитарности и нацеленности на авантаж. С ним связывается важная идея о том, что как бы ни был велик соблазн власти поддаться описанному Д. А. Шестаковым «синдрому Понтия Пилата» [22, с. 66—70] и усилить уголовную репрессию до сверхбольших пределов, законодатель не должен интерпретировать наказание иначе, чем принуждение, соразмерное преступлению. Лишение наказания возмездного начала превратит его в преследование, не знающее пределов и лимитов, в не имеющий ограничений и рамок карательный произвол. Присутствующий в уголовном наказании принцип возмездия позволяет учесть и сбалансировать интересы всех сторон уголовно-правовых отношений: государства, потерпевшего и преступника, гарантируя всем, что последний не будет наказан ни слишком мягко, ни излишне строго.

В заключение отметим, что с точки зрения современной науки пенологии возмездие не самоцельно: наказывать следует не ради одного него как требования всеобщей справедливости. Наказывая за преступления для защиты общества и установленного в нем правопорядка, осуществляют именно возмездие, так как и выраженная в праве, и социальная справедливость требуют соответствия уголовного наказания преступлению. Точнее, идеал справедливости (запечатленный в массовом сознании в принципе «каждому по заслугам») заключается в постоянном, неуклонном, беспристрастном стремлении к этому соответствию, причем воздаятельной справедливости человечество придерживается не только в уголовно-правовой сфере (в которой она прежде всего означает, что преступления должны наказываться сообразно с их тяжестью), но и в общественно-

экономической жизни: она сформировала убеждения, что честный труд и достижения во благо об-

щества должны получать соответствующие им признание и поощрение.

1. Garraud R. *Traité Théorique et Pratique du Droit Pénal Français*. Т. 1. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey, 1913. 813 p.

2. Любавский А. Д. Юридические монографии и исследования. В 4 т. Т. 4. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1878. 203 с.

3. Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. Москва: Учпедгиз, 1953. 95 с.

4. Чучаев А. И. Личность преступника и вопросы наказания: учеб. пособие. Москва: Изд-во ВЮЗИ, 1990. 91 с.

5. Безверхов А. Г. О законодательном закреплении дефиниции уголовного наказания // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 14—18.

6. Чебышев-Дмитриев А. П. О праве наказания. Речь, произнесенная в торжественном собрании Демидовского лицея 29 ноября 1859 г. Ярославль: Тип. Германа Фалька, 1859. 74 с.

7. Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 158 с.

8. Bar L. *Handbuch des Deutschen Strafrechts*. Bd. 1. Berlin: Weidamannsche Buchhandlung, 1882. 361 S.

9. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. 203 с.

10. Рейтборт А. М. Понятие и цели наказания. Москва: Изд-во ВЮЗИ, 1961. 23 с.

11. Люблинский П. И. О действии наказания // Новые идеи в правоведении. Сб. 1: Цели наказания. Санкт-Петербург: Образование, 1914. С. 1—27.

12. Якубов А. Е. О цели кары в наказании // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1982. № 1. С. 26—32.

13. Крашенинников П. В. Смертная казнь — это кровная месть // Литературная газета. 1999. 7—13 июля. С. 8.

14. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. Москва: Юрайт, 2021. 277 с.

15. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. 164 с.

16. Finger A. *Das Strafrecht: Systematisch Dargestellt*. Bd. 1. Berlin: Carl Heymanns Verl., 1902. 448 S.

1. Garraud R. *Traité théorique et pratique du Droit Pénal Français*. Т. 1. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey; 1913: 813. (In French).

2. Lyubavsky A. D. *Juridical monographs and studies*. In 4 vols. Vol. 4. Saint Petersburg: Printing house of partnership "Public benefit"; 1878: 203. (In Russ.).

3. Makarenko A. S. *Lectures on education of children*. Moscow: Uchpedgiz (State Publishing House of Educational and Pedagogical Literature); 1953: 95. (In Russ.).

4. Chuchayev A. I. *Identity of a criminal and punishment issues*. Manual. Moscow: Publishing house of All-Union Correspondence Institute; 1990: 91. (In Russ.).

5. Bezverkhov A. G. *On the legislative fixation of the criminal punishment definition*. Russian Justice, 14—18, 2010. (In Russ.).

6. Chebyshev-Dmitriyev A. P. *On the right to punish*. Speech at the ceremonial meeting of the Demidov lyceum on November 29, 1859. Yaroslavl: Hermann Falk printing house; 1859: 74. (In Russ.).

7. Kurochka Ye. V. *Punishment issues in the criminal law of Russia*. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2000: 158. (In Russ.).

8. Bar L. *Handbuch des Deutschen Strafrechts*. Bd. 1. Berlin: Weidamannsche Buchhandlung; 1882: 361. (In Germ.).

9. Prokhorov V. S., Kropachev N. M., Tarbagayev A. N. *Mechanism of criminal law regulation: rule, legal matters, responsibility*. Krasnoyarsk: Publishing house of KSU; 1989: 203. (In Russ.).

10. Reitbort A. M. *The concept and purposes of punishment*. Moscow: Publishing house of All-Union Correspondence Law Institute; 1961: 23. (In Russ.).

11. Lyublinsky P. I. *On the effects of punishment*. New ideas in jurisprudence. Coll. 1: Purposes of punishment. Saint Petersburg: Education; 1914: 1—27. (In Russ.).

12. Yakubov A. Ye. *On the purpose of the retaliation in punishment*. Moscow University Bulletin. Series 11. Law, 26—32, 1982. (In Russ.).

13. Krasheninnikov P. V. *The death penalty is a blood feud*. Literaturnaya Gazeta, 8, 7—13 July, 1999. (In Russ.).

14. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V. *Criminology. Textbook and workshop for bachelor's and specialist's degree*. Moscow: Yurait; 2021: 277. (In Russ.).

17. Сыдыкова Л. Ч. Теоретические проблемы системы и видов наказаний по уголовному праву Кыргызской Республики: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2000. 281 с.

18. Корсаков К. В. Повышение эффективности системы уголовных наказаний в современных условиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 78—82.

19. Кригер Г. А. Наказание и его применение. Москва: Госюриздат, 1962. 70 с.

20. Максимович И. А. Речь об уголовных наказаниях в России. Киев: Унив. тип., 1853. 263 с.

21. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях: в 2 разд. Москва: Унив. тип., 1841. 251 с.

22. Шестаков Д. А. Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства: тез. докл. респ. конф. (2—3 марта 1989 г.). Тарту: Изд-во ТГУ, 1989. С. 66—70.

15. Christie N. Inflicting pain. The role of punishment in criminal policy. Saint Petersburg: Aleteiya; 2011: 164. (In Russ.).

16. Finger A. Das Strafrecht: Systematisch Dargestellt. Bd. 1. Berlin: Carl Heymanns Verl., 1902: 448. (in Germ.).

17. Sydykova L. Ch. Theoretical issues of the system and types of penalties under criminal law of the Kyrgyz Republic. Dissertation of doctor of juridical sciences. Almaty; 2000: 281. (In Russ.).

18. Korsakov K. V. Improved efficiency of penal system under current conditions. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 78—82, 2018. (In Russ.).

19. Krieger G. A. Punishment and its imposition. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1962: 70. (In Russ.).

20. Maksimovich I. A. Speech on criminal punishment in Russia. Kyiv: University printing house; 1853: 263. (In Russ.).

21. Barshev S. I. General principles of the theory and legislation on crimes and punishments. In 2 parts. Moscow: University printing house; 1841: 251. (In Russ.).

22. Shestakov D. A. Syndrome of Pontius Pilate in criminal legislation reform. In: Topical issues of criminal legislation reform. Abstracts of republican conference, 2—3 March 1989, Tartu. Tartu: Tartu State University; 1989: 66—70. (In Russ.).

Корсаков Константин Викторович,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
кандидат юридических наук, доцент;
korsakovekb@yandex.ru

Korsakov Konstantin Victorovich,
senior researcher at the law department
of the Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
candidate of juridical sciences, docent;
korsakovekb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 28.12.2025; approved after reviewing 30.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *